

А. Тун

История революционного движения в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
А11

А11 **А. Тун**
История революционного движения в России / А. Тун – М.: Книга по Требованию, 2024. – 296 с.

ISBN 978-5-458-40926-1

ISBN 978-5-458-40926-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Книга Туна до сихъ поръ не потеряла своего значенія, какъ единственный имѣющійся въ печати связный рассказъ о русскомъ революціонномъ движеніи, начатый отъ декабристовъ и доведенный до начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія,—т. е. охватившій собою наиболѣе отдаленные отъ насъ и потому наименѣе извѣстные періоды этого движенія.

Однимъ изъ крупныхъ достоинствъ предлагаемаго сочиненія является также чрезвычайно внимательное и добросовѣстное отношеніе автора къ фактической сторонѣ дѣла, благодаря чему ему часто удается, не смотря на недостаточное знакомство съ условіями русской жизни, довольно правильно понимать и оцѣнивать излагаемыя событія. Этому помогло, впрочемъ, автору его личное знакомство съ нѣкоторыми изъ русскихъ эмигрантовъ.

Но само собою разумѣется, что авторъ не могъ избѣжать ошибокъ и пропусковъ. Это обстоятельство заставило издателей снабдить предлагаемый переводъ примѣчаніями и дополненіями, которыя будутъ отнесены къ концу каждой главы, кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ поправокъ, внесенныхъ прямо въ текстъ.

Издатели считаютъ нужнымъ оговориться, что они вовсе не смотрятъ на предлагаемую книгу, какъ на сколько-нибудь исчерпывающую исторію русскаго революціоннаго движенія. Это не болѣе, какъ переводъ сочиненія Туна съ нѣкоторыми необходимыми поправками и дополненіями.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Взглядъ на революціонное движеніе до 1863 г.

У революціоннаго движенія въ Россіи есть, если можно такъ выразиться, доисторическій и историческій періодъ. Первый простирается до 1855 г., второй—до настоящаго времени. Доисторическій періодъ, въ свою очередь, распадается на эпохи, которыя отдѣляются другъ отъ друга военнымъ возстаніемъ *) 14 декабря 1825 г.

Тайныя политическія общества существовали въ Россіи еще въ прошломъ столѣтіи; они прикрывались обычно религіозными цѣлями и принимали таинственныя формы франкмасонскихъ союзовъ. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II на нихъ смотрѣли косо, какъ на революціонныя общества; случалось, что масоновъ даже преслѣдовали. Особенно пострадалъ отъ этихъ преслѣдованій Новиковъ, за что русскіе революціонеры и чтутъ его какъ своего предшественника **).

Вскорѣ за этимъ наступило либеральное царствованіе Александра I, воспитанника якобинца Лагарпа. Самъ царь высказалъ тогда, что онъ хотѣлъ даровать конституцію, придавъ такимъ образомъ этой мысли какъ бы видъ законности. Въ то же самое время идеалистическая поэзія Пушкина будила совѣсть общества, поднимала его нравственный уровень и внушала надежду на новую будущность. Эта поэзія и записанные рукописныя стихотворенія Рылѣева закончили въ Россіи популяризацию либеральныхъ идей 1789 г. Съ другой стороны, молодое русское дворянство побывало въ качествѣ офицеровъ и чиновниковъ на Западѣ, во время наполеоновскихъ войнъ, и ближе познакомилось съ той культурой, которую до сихъ поръ знало только понаслышкѣ. Въ этой новой обстановкѣ у многихъ русскихъ офицеровъ выработалась новая точка зрѣнія для сужденія о своей родинѣ. Лучшіе элементы гвардіи жадно вбирали въ себя идеи гражданственности, свободы и конституціонализма и возвращались домой съ твердымъ намѣреніемъ «ввести Францію въ Россію». Въ 1815 г. образовалось литературное общество «Арзамасъ», въ слѣдующемъ году первое политическое, а въ 1817 г. первое тайное общество, подъ вліяніемъ

*) Замѣчу разъ навсегда, что всѣ числа помѣчены по русскому стилю.

**) Этотъ отдѣлъ я излагаю по мемуарамъ русскаго декабриста Розена, стр. 3—31, и по мемуарамъ одного русскаго, приведеннымъ въ соч. E. Lavigne «Introduction à l'histoire du Nihilisme russe», Paris 1880.

Пестеля. Сначала либералы надѣялись достигнуть своихъ цѣлей въ согласіи съ императоромъ; но когда наступилъ извѣстный реакціонный поворотъ въ его политикѣ и въ 1822 г. были закрыты всѣ масонскія ложи, то между офицерами образовалось нѣсколько тайныхъ обществъ; между ними самыми значительными были Сѣверный и Южный союзы и Союзъ объединенныхъ славянъ. По своимъ цѣлямъ движеніе это было политическое: оно стремилось къ федеральной республикѣ или конституціонной монархіи. Царь и его семья должны были быть уничтожены. Средствомъ являлось военное возстаніе; формой организациіи былъ яacobинскій заговоръ. Поводъ къ началу возстанія нашелся, наконецъ, 14 декабря 1825 г., когда войска въ Петербургѣ должны были принести новую присягу императору Николаю, вмѣсто его брата, отказавшагося отъ престола. Но въ рѣшительный моментъ заговорщики нигдѣ не могли найти избраннаго ими въ диктаторы князя Трубецкаго; имъ не доставало систематическаго руководства; первые карточные залпы разсѣяли 2000 мятежныхъ солдатъ. Но даже и въ случаѣ успѣха эта попытка либераловъ не могла бы дать прочныхъ результатовъ, потому что движеніе ограничивалось только частью привилегированныхъ классовъ и арміи; кромѣ того, политическія требованія повстанцевъ не находили еще отклика въ народѣ. Но во всякомъ случаѣ это возстаніе явилось мужественнымъ протестомъ противъ царскаго деспотизма со стороны горсти аристократическихъ гвардейскихъ офицеровъ, которые съ юношескимъ одушевленіемъ слѣдовали за своими даровитыми, но слишкомъ мало обращавшими вниманіе на реальное соотношеніе силъ, предводителями. Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ, М. Бестужевъ и Каховскій были повѣшены, 116 другихъ заговорщиковъ были осуждены или на каторгу, или на поселеніе въ Сибирь.

Тяжелая рука Николая легла теперь на всѣ проявленія русской жизни. Въ началѣ Пушкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, котораго еще одушевляла надежда на лучшее будущее и который проявлялъ мужество свободного гражданина. Но и онъ былъ побѣжденъ царскою милостью и отвращеніемъ къ окружающей его обстановкѣ. Полное отчаяніе придавило всѣхъ, и это общее настроеніе отразилось въ поэзіи Лермонтова. Но достигнуть полного успокоенія возмущеннаго народнаго духа было все-таки невозможно; онъ искалъ и нашелъ свое выраженіе въ литературѣ и критикѣ. Развилась та сатирическая жилка, которая у русскихъ вообще сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Въ формѣ сатирическаго романа и бытовой комедіи появились произведенія Гоголя и Грибоѣдова, которые нападали на самыя основы официальной цивилизаціи Россіи. Въ этихъ произведеніяхъ высмѣивалось все: и подкупность чиновничества, и продажность судей; въ нихъ бичевалась вся безчестная администрація. «Соціальная патологія» русскаго общества была написана. Въ столь же «прикровенной» формѣ прессѣ удавалось проводить либеральныя идеи, и въ это именно время въ русской печати въ совершенствѣ выработалось печальное искусство скрывать между строкъ дѣйствительныя мысли. Съ другой стороны, въ то же самое время черезъ русскую границу перекинулось вліяніе Гегеля, и вотъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ гегельянецъ Станкевичъ съ удивительной проницательностью сумѣлъ собрать вокругъ себя,

въ своемъ гостепріимномъ домѣ, въ Москвѣ, тѣхъ молодыхъ людей, которые впослѣдствіи явились вождами русскаго общества на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Тамъ встрѣчались позднѣйшіе славянофилы, Аксаковъ и Хомяковъ, съ позднѣйшими предводителями социалистической эмиграціи, Бакунинымъ, Герценомъ и Огаревымъ, которые тогда были совершенно увлечены ученіями С. Симона и Фурье. Въ 1840 г. этотъ кружокъ распался; но Станкевичу же принадлежала также заслуга привлеченія еще двухъ людей, пріобрѣвшихъ крупное значеніе въ дѣлѣ распространенія освободительныхъ идей въ Россіи. Это были: Бѣлинскій, ставшій безусловнымъ главою литературной критики и основавшій русскую реалистическую школу въ литературѣ, и историкъ Грановскій, вліявшій на юношество съ кафедръ и вліявшій въ широкомъ либеральномъ направленіи. Но вся эта оппозиція, выросшая въ 40-хъ годахъ, была чисто пассивной; существовалъ какъ бы молчаливый заговоръ, открыто же никто не рѣшался протестовать.

При полной невозможности дѣйствовать, недовольнымъ оставалось только одно — резонировать. Во многихъ городахъ Россіи: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Ростовѣ-на-Дону, Тамбовѣ, Костромѣ, Ревелѣ, даже въ Сибири, въ кружкахъ единомышленниковъ дебатировались тогда не только литературные, но также политическіе и социальные вопросы. Знакомство съ новѣйшей политической и социалистической литературой было очень распространено тогда. С. Симонъ и Фурье, Луи Бланъ, Прудонъ и Робертъ Оуэнъ, самыя разнообразныя книги и газеты выписывались, прочитывались и обсуждались; но теперь тонъ въ этихъ кружкахъ давали ужъ не гвардейскіе офицеры и чиновники высшихъ вѣдомствъ, а воспитатели и учителя. Подъ вліяніемъ современной литературы, наряду съ либерализмомъ выступилъ и социализмъ; но онъ былъ только отдаленной цѣлью отдѣльных лицъ; ближайшею же цѣлью было саморазвитіе близко знакомыхъ между собою людей; никакихъ организацій не существовало; дѣло не шло дальше идей и стремленій. Но и это казалось тогда очень опаснымъ, и вотъ въ мартѣ 1848 г. былъ сдѣланъ доносъ на чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Петрашевскаго, у котораго каждый четвергъ происходили подобныя собранія. Цѣлый годъ за этимъ кружкомъ и за нѣсколькими подобными слѣдили шпіоны III-го отдѣленія; наконецъ, 23 апрѣля 1849 г. 33 молодыхъ человека были схвачены, и 23 изъ нихъ, большею частью, офицеры и чиновники, приговорены къ смерти, но помилованы съ замѣной смертной казни каторжными работами и солдатчиной. Число лицъ, симпатизировавшихъ ихъ идеямъ и намѣреніямъ, говорятъ, достигало въ Петербургѣ до 100 человекъ. Къ счастью, они вели свои разговоры безъ участія шпіоновъ. Послѣ такого драконовскаго наказанія за одни планы и намѣренія, конецъ Николаевскаго царствованія прошелъ въ полномъ всеобщемъ молчаніи.

Но уже въ послѣдніе годы царствованія Николая у всѣхъ было такое ощущеніе, что такъ не можетъ дальше продолжаться. Съ восшествіемъ на престолъ Александра II, идеи политической свободы и социалистическаго равенства начали уже открыто проявляться въ русскомъ государствѣ, но, встрѣтивъ естественное сопротивленіе со стороны правительства, вскорѣ снова перешли на революціонную дорогу.

Предстоящее намъ изложеніе этой общественной эволюціи цѣлесообразнѣе всего раздѣлить на 4 періода. Первый періодъ, характеризующійся вліяніемъ Герцена и Чернышевскаго, какъ писателей, начинается съ 1885 г. и охватываетъ время подготовленія къ уничтоженію крѣпостного права и послѣдовавшее за этимъ разочарованіе, заканчиваясь польскимъ возстаніемъ 1863 г. Затѣмъ слѣдуетъ второй періодъ частной попытки съ стороны демократовъ и либераловъ итти рука объ руку съ правительствомъ, которое предприняло тогда кое-какія реформы. Этотъ періодъ сопровождался затишьемъ на поприщѣ революціи, только слегка нарушавшимся покушеніемъ Каракозова и заговоромъ Нечаева. Въ началѣ 1870-хъ годовъ, приблизительно съ 1872 года, начинается третій періодъ пропаганды со стороны многочисленныхъ мелкихъ кружковъ съ чисто социалистическими цѣлями, придерживавшихся сначала мирныхъ средствъ, а съ 1875 г. перешедшихъ къ болѣе рѣзкимъ приемамъ революціонной агитаціи. Съ 1878 г. въ этомъ движеніи совершается наконецъ полный переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ: социализмъ снова заслоняется политикой, децентрализованные мелкіе кружки вытѣсняются строго дисциплинированнымъ тайнымъ обществомъ съ исполнительнымъ комитетомъ во главѣ, на мѣсто мирныхъ средствъ выступаетъ терроръ, систематическое царевубійство.

Для подробнаго и самостоятельнаго изображенія двухъ первыхъ эпохъ такъ называемаго нигилизма у меня не хватаетъ предварительнаго изученія, и поэтому я сдѣлалъ ихъ набросокъ, и по большей части, по второстепеннымъ источникамъ. Напротивъ того, третью и четвертую эпохи, эпохи социализма и терроризма (1872-78-82) я хочу изложить возможно подробнѣе на основаніи всѣхъ доступныхъ мнѣ источниковъ.

Еще во время Крымской кампаніи Александръ Герценъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Огаревымъ основалъ первую свободную русскую типографію въ Лондонѣ. Отсюда онъ привѣтствовалъ въ своемъ, ставшемъ знаменитымъ письмѣ восшествіе на престолъ Александра II. Онъ требовалъ вознагражденія за все то зло, которое причинилъ Николай русскому народу, требовалъ полного разрыва съ проклятой системой всеобщаго рабства и угнетенія мысли, примиренія съ либеральными идеалами своей эпохи и, прежде всего, отмѣны крѣпостного права, какъ предварительнаго условія какого бы то ни было соглашенія между народомъ и правителемъ. При помощи газеты «Колоколъ» и журнала «Полярная звѣзда» онъ приобрѣлъ такое вліяніе на общественное мнѣніе Россіи, болѣе котораго едва ли когда имѣлъ другой писатель. Онъ нашелъ вѣрное выраженіе для мысли, которая тяжелымъ камнемъ лежала на душѣ цѣлаго народа и которую никто не рѣшался высказать такъ свободно, какъ этотъ смѣлый эмигрантъ. Деспотизмъ Николая не позволилъ создаться никакому общественному мнѣнію, никакой партіи, такъ что въ Россіи не было ничего, что могло бы дать отпоръ смѣлому слову Герцена или могло бы соперничать съ его газетой; лучшей рекомендаціей для послѣдней было ея запрещеніе правительствомъ. Все слѣпо слѣдовало за Герценомъ: важнѣйшія государственныя тайны открыто обсуждались въ его газетѣ, а имена агентовъ, посланныхъ въ Лондонъ для наблюденія за нимъ, бывали опу-

бликованы раньше, чѣмъ они высаживались на англійскій берегъ *). Дѣятельность Герцена была главнымъ образомъ обличающая и критикующая: тогда это было заслугой, и «русскій Вольтеръ» много способствовалъ моральному осужденію господствующей системы. По своимъ положительнымъ цѣлямъ онъ былъ социалистъ старой школы; старѣющей Европѣ и своей собственной странѣ онъ рекомендовалъ великорусскую общину, которую открылъ нѣмецъ Гакстгаузенъ; подобно Руссо, онъ считалъ занятіе крестьянина единственно здоровымъ; крестьянина надо было освободить и поднять до положенія господствующаго класса; все же остальное слѣдовало предоставить въ будущемъ счастливому народному инстинкту. Его политическій идеалъ былъ идеалъ декабристовъ: федеральная славянская республика, причемъ Польша должна была получить независимость. Сначала Герценъ велъ «Колоколъ» въ умѣренномъ духѣ; онъ возлагалъ большія надежды на добрую волю молодого монарха и защищалъ освобожденіе крестьянъ и достаточное надѣленіе ихъ землей. Только разочарованіе, вызванное манифестомъ объ освобожденіи, и личное вліяніе его друга Бакунина, бѣжавшаго изъ Сибири и явившагося въ Лондонъ въ январѣ 1862 г., сдѣлали его болѣе радикальнымъ.

Между тѣмъ въ самой Россіи печать, теперь нѣсколько болѣе свободная, начала пользоваться громаднымъ матеріаломъ и обрабатывать его для своихъ читателей. Съ одной стороны, такъ называемая обличительная литература направила уничтожающую критику на современныя условія и на испорченность привилегированныхъ классовъ. Позднѣе Щедринъ и другіе писатели довели этотъ родъ литературы до истинной виртуозности, а Рѣшетниковъ, Глѣбъ Успенскій и поэтъ Некрасовъ въ трогательныхъ словахъ описывали и воспѣвали несчастное положеніе народа. Создалось то натуралистическое и пессимистическое направленіе въ литературѣ, которое во многихъ случаяхъ отказывалось отъ всякихъ требованій красоты. Съ другой стороны, пресса стремилась познакомить русскую публику съ западно-европейскими идеалами и научными выводами, запрещенными до того времени въ Россіи, съ атеизмомъ и современными естественными науками. Прежде всего, интересовались социализмомъ, затѣмъ всѣмъ, что было либерально. Вождемъ этого литературнаго движенія явился «Современникъ», главные сотрудники котораго Чернышевскій и Добролюбовъ излагали, — конечно, въ соотвѣтствующей цензурнымъ условіямъ формѣ — демократическо-социалистическія идеи того времени. Эти два челоѣка оказали рѣшающее вліяніе на революціонное развитіе русской молодежи. Добролюбовъ (умершій уже въ 1861 г. на 24 году жизни отъ чахотки) отличался, какъ критикъ, сильной логикой и повергъ въ прахъ прежнихъ идоловъ русской интеллигенціи. Чернышевскій (родился въ 1829 г.), энциклопедически образованный писатель, въ многочисленныхъ статьяхъ сообщалъ малознающей русской

*) Здѣсь кстати напомнить, что Ростовцевъ на засѣданіи Редакціонной Комиссіи 23 марта 1859 г. заявилъ, что онъ получилъ разрѣшеніе получать изъ III-го отдѣленія по одному экземпляру *Колокола* и герценовскаго сборника *Голоса изъ Россіи*, какъ пособіе для занятія Комиссіи. Л. Ш.

публикѣ выводы европейской науки въ самой популярной и потому очень растянутой формѣ. Онъ былъ демократъ и социалистъ въ духѣ школы С. Симона и Фурье. Большое практическое значеніе имѣлъ его романъ «Что дѣлать?», написанный въ тюрьмѣ. Это изображеніе русской молодежи,—въ эстетическомъ отношеніи нѣчто чудовищное—является чѣмъ-то вродѣ возраженія на герценовское «Кто виноватъ?» и тургеневскихъ «Отцовъ и дѣтей»; оно должно было изобразить ходъ развитія и положительную программу молодого поколѣнія. Не слѣдуетъ забывать, наконецъ, того громаднаго личнаго вліянія, какое эти люди имѣли на своихъ сверстниковъ, хотя Чернышевскій былъ гораздо больше кабинетнымъ ученымъ, чѣмъ практическимъ революціонеромъ.

Всѣ «либералы»,—какъ настроенные болѣе или менѣе социалистически, такъ и просто демократы, вначалѣ питали полное довѣріе къ доброй волѣ молодого монарха, который самъ взялъ на себя инициативу въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и такъ энергично выступилъ, напр., въ Москвѣ противъ отрицательно относившагося къ реформамъ дворянства. Всѣ либералы приняли участіе въ критикѣ существующихъ условій и старались по-своему способствовать созданію новыхъ порядковъ. При освобожденіи социалисты защищали исключительно интересы крестьянъ и, въ существенномъ, были воодушевлены и слѣдующими тремя мыслями: личная свобода, надѣленіе крестьянъ всею находившеюся до сихъ поръ въ ихъ пользованіи землею за возможно низкое вознагражденіе, а гдѣ возможно—бесплатно, при обязательности освобожденія, наконецъ, сохраненіе общиннаго землевладѣнія, въ которомъ они видѣли зародышъ будущаго социальнаго порядка. Другихъ социалистическихъ теорій нельзя было по справедливости и требовать въ то время, когда социализмъ не вступилъ еще въ современную научную фазу. Чернышевскій самъ лично принималъ самое живое участіе въ предварительныхъ работахъ по выработкѣ закона объ освобожденіи, много вращался среди либеральныхъ и вліятельныхъ членовъ комиссіи, которые вырабатывали этотъ законъ; онъ же поставилъ на обсужденіе вопросъ объ общинномъ землевладѣніи и выпустилъ цѣлый рядъ статей о величинѣ земельного надѣла и выкупныхъ платежей.

Либеральное дворянство, наряду съ прессой, пыталось оказать вліяніе на ходъ законодательства. Однако, освобожденіе крестьянъ велось вполнѣ бюрократически и даже, когда въ 1859 г. представители дворянства были вызваны въ Петербургъ, отъ нихъ потребовали только отвѣтовъ на поставленные вопросы и воспротивились даже ихъ стараніямъ устроить общія собранія. Возмущенные этимъ, они рѣшили обсуждать вопросъ объ освобожденіи попутно на предстоящихъ зимой дворянскихъ собраніяхъ; но и это было запрещено; когда же, несмотря на это, въ Тверскомъ собраніи этотъ вопросъ все-таки обсуждался, то предводитель дворянства, Унковскій, былъ высланъ административно въ Вятку (возвращенъ черезъ 8 мѣсяцевъ). Эта мѣра увеличила недовольство; приобрѣло вліяніе мнѣніе, что послѣ уничтоженія могущества дворянства уже никакая сила не сможетъ быть противовѣсомъ царскому деспотизму (противовѣса этого, впрочемъ,

не было при Николаѣ); слово «конституція» было громко произнесено, и въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ дѣло дошло до маленькихъ демонстрацій, причемъ, напр., Владимірское собраніе въ адресѣ царю констатировало, что исполненіе закона зависитъ въ Россіи большею частью отъ личнаго произвола, который слѣдовало бы регулировать закономъ. Такъ какъ подобные адреса имѣлись въ виду и въ другихъ губерніяхъ, раздражать же дворянство еще сильнѣе правительство не рѣшалось, то царь ограничился тѣмъ, что приказалъ сдѣлать замѣчаніе предводителю дворянства.

Наконецъ, и молодежь въ городахъ сдѣлалась безусловнымъ приверженцемъ радикальныхъ ученій и, прежде всего, поставила своею цѣлью образовывать народъ, заниматься съ нимъ по элементарнымъ предметамъ, естественными науками, а въ послѣдней инстанціи радикализмомъ, которому они сами только-что обучились. По образцу Петербурга, во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ основывались добровольныя воскресныя школы, въ которыхъ съ одушевленіемъ преподавали молодые учителя, студенты, болѣе взрослые гимназисты. Учрежденіе воскресныхъ школъ сдѣлалось тогда маніей молодыхъ людей. Однако, этотъ первый соціально-политическій энтузіазмъ у однихъ скоро выдохся, а другимъ губернаторы затрудняли работу, предписывая мастерамъ посылать своихъ учениковъ въ воскресныя школы аккуратно и «хорошо одѣтыми», такъ что черезъ три-четыре года эти школы покончили свое существованіе *). Онѣ не остались совершенно безрезультатными: такъ, напр., въ Петербургѣ было констатировано повышеніе образовательнаго уровня среди гвардейскихъ полковъ. Именно въ этомъ городѣ все движеніе имѣло безспорное значеніе, такъ какъ нѣсколько радикальныхъ писателей стали во главѣ его и думали пропагандировать свои идеи въ воскресныхъ школахъ.

Такова была дѣятельность «либеральной» партіи, поскольку я могу указать ее здѣсь въ бѣглыхъ чертахъ; по идеямъ она была революціонна, и выраженія ея, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ литературѣ, носили часто крайній характеръ. Но средства были во всякомъ случаѣ мирныя, потому что многіе еще надѣялись тогда на выполненіе своихъ либеральныхъ желаній со стороны царя. Но въ кругахъ болѣе посвященныхъ лицъ уже начало сказываться сомнѣніе въ доброй волѣ и въ способности царя провести крупныя реформы въ желательномъ смыслѣ. И эти сомнѣнія подтвердились, когда въ 1860 г., послѣ смерти либерала Ростовцева, предсѣдателемъ редакціонной комиссіи былъ назначенъ графъ Панинъ, извѣстный за реакціонера и защитника интересовъ помѣщиковъ. Изъ автобіографіи Чернышевскаго **) ясно видно, какъ онъ постепенно терялъ надежду на мирное разрѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ. Открытое письмо отъ 1-го марта 1860 г. въ «Колоколѣ», въ которомъ Герцена упрекаютъ за слишкомъ далеко идущій опти-

*) Воскресныя школы покончили свое существованіе не въ силу охлажденія первоначальнаго энтузіазма молодежи, какъ выходитъ это здѣсь у автора, а насильственнымъ путемъ: онѣ были закрыты правительственнымъ распоряженіемъ въ 1862 г., послѣ петербургскихъ пожаровъ, одновременно съ другими реакціонными мѣрами,—о чемъ, впрочемъ, упоминаетъ далѣе самъ авторъ. Л. Ш.

**) «Прологъ къ прологу», напечат. въ 1877.

мизмъ, принадлежит кому-либо изъ людей, близкихъ Чернышевскому, если не ему самому (что, впрочемъ, не установлено). «Скоро,—писалъ авторъ письма,—Александръ II покажетъ николаевскіе зубы; въ политикѣ надежда—та золотая цѣпь, которая легко можетъ превратиться въ оковы. Въ Россіи можетъ помочь только топоръ. «Колоколъ» долженъ возвѣщать не обѣдню, а бурю». Отъ такой дѣятельности Герценъ отказывался. «Государемъ,—говорилъ онъ,—дарована уже нѣкоторая свобода; назрѣвающимъ вопросамъ надо дать время выясниться. Пока есть еще надежда на мирное разрѣшеніе, не слѣдуетъ браться за топоръ; съ іюньскихъ дней онъ питаетъ ужасъ къ кровавой революціи». Въ этихъ письмахъ ясно сказалась разница между Герценомъ и уже стремившейся «къ дѣйствіямъ» молодежи, и съ этихъ поръ начинаетъ убывать его вліяніе на послѣднюю, тѣмъ болѣе, что его литературная дѣятельность не подкрѣплялась его личнымъ воздѣйствіемъ *).

19 февраля 1861 г. принесло, наконецъ, рѣшеніе. Но оно было не то, какого требовали либералы и социалисты. Крестьяне далеко не получили всей той земли, которой они пользовались до тѣхъ поръ; наоборотъ, она во многихъ мѣстахъ была урѣзана въ пользу помѣщиковъ. Освобожденные крестьяне не получили земли безвозмездно; выкупные и оброчные платежи были очень высоки, а во многихъ мѣстахъ, именно въ сѣверной и средней Россіи, они были такъ высоки, что далеко превышали доходность земли. Правительство авансировало крестьянамъ выкупной капиталъ и брало съ нихъ за это 6%; въ эти 6% входили проценты на выкупной капиталъ и процентъ погашенія, рассчитанный на 49 лѣтъ. Слѣдствіемъ этого было, что крестьяне, связанные платежами, были лишены свободы передвиженія; иначе они бросили бы свои обремененные платежами участки и выселились бы въ степи. Крестьяне остались, такимъ образомъ, какъ и раньше, прикрѣпленными къ землѣ; затѣмъ, съ теченіемъ времени, въ большей или меньшей степени, обнаружились всѣ тѣ хозяйственные недостатки, которые предвидѣли и отъ которыхъ предостерегали радикальные писатели. Крестьяне также совершенно иначе представляли себѣ освобожденіе и желали совершенно другого; они считали ту землю, которой пользовались до сихъ поръ, собственностью общинъ и понимали освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, какъ освобожденіе отъ всякихъ податей и обязательныхъ услугъ. Вмѣсто этого имъ уменьшили ихъ общинную землю и наложили на нихъ болѣе тяжелыя повинности. Поэтому было легко ложными слухами внушить крестьянамъ вѣру, что царь даровалъ имъ землю бесплатно, а помѣщики воспрепятствовали исполненію законныхъ предписаній. Такимъ образомъ въ селѣ

*) Къ этому періоду относится статья Герцена въ «Колоколѣ» (1859 г.): Very dangerous! (Очень опасно), гдѣ въ очень рѣзкой формѣ было сдѣлано нападеніе на Чернышевскаго и Добролюбова за ихъ стремленіе высмѣивать и вышучивать либераловъ. Это стремленіе приписывалось какой-то безпредметной озлобленности. Чернышевскій ѣздилъ тогда въ Лондонъ для личнаго объясненія съ Герценомъ; но на этотъ разъ они не поняли другъ друга. Извѣстно, что позднѣе, когда начавшаяся реакція доказала несостоятельность либеральной программы, Герценъ оцѣнилъ рѣзкое отношеніе къ ней «Современника» и приглашалъ Чернышевскаго перенести изданіе его въ Лондонъ, предлагая ему для этого свои деньги.